

Вперед, в джунгли

10 лет Катю Попову мать держала взаперти. Писатель Захар Прилепин недоумевает: как такое могло случиться?

Катя Попова смотрит на Прилепина недоверчиво — что еще он спросит о ее добровольном заточении?

Фото: Роман Яровицын / Коммерсантъ

Телевизионщики притащили Катю Попову на выставку фотографии "Коммерсанта" в Нижнем Новгороде. Чтобы показать, как много она пропустила, пока безвылазно сидела 10 лет в дворницкой своей матери. Там с нею и разговорился наш автор

Если бы это было в Америке, а вернее сказать — в американском фильме, девушка, о которой пойдет речь ниже, стала бы национальным героем. Ненадолго, но стала. Они там любят всякие странности: то человека, который все время бежит, то человека, который все время ест, то человека, неустанно поющего псалмы, то человека, живущего на дереве.

Собственно, мы тоже понемногу стали падки на разные человеческие казусы. Когда все немного не в себе и мир вокруг нас имеет явные элементы абсурда и бреда, неизбежно хочется найти что-то или кого-то ненормальнее себя. Это нас успокаивает: я-то ничего, оказывается, я-то еще в норме — по сравнению с некоторыми.

Вы думаете, программа Андрея Малахова "Пусть говорят", смакуя пороки и подлости, врачует людей? Она их еще больше развращает. Если нам все время показывать многоликого, порой жалкого, порой наглого Смердякова — никто из нас в Алешу Карамазова превращаться не начнет; а вот смердяковщину незаметно подцепит.

Но что это мы никак не перейдем к тому, ради чего затеяли разговор?

В 2001 году мать нижегородки Кати Поповой решила больше не выпускать дочь на улицу. Кате тогда было 14 лет, она училась в 7-м классе местного интерната.

Почти 10 лет девушка не выходила из квартиры.

Что происходило в этой квартире все эти годы, никто теперь не расскажет, журналисты уже насочиняли множество развесистых небылиц.

Но если все сводить к простым фактам, то картина следующая. Маму этой девушки зовут Анна Ксенофоновна. Она работает дворником.

— Почему у вас такое отчество? Кем был ваш отец? — спрашиваю я ее.

Анна Ксенофоновна — маленькая и очень подвижная тетушка. На вид ей около 60 лет, ласковые, быстрые глазки, улыбчивая, хотя зубов нет почти.

— А я не знаю, кто он был. Мне такое отчество в детдоме дали,— отвечает она, улыбаясь.

Совершенно нормальный голос, совершенно нормальный вид. Вокруг много нарядных людей — мы на выставке фоторабот нижегородского "Коммерсанта" — ходят люди с бокалами вина, много камер, вспышки. Анна Ксенофоновна, кажется, вполне довольна всем происходящим.

— Вы в нижегородском детдоме росли?

— Почему? Нет,— отвечает она.

— А где?

— В Урени. Там был детдом.

Урень — такой город в Нижегородской области.

— А в Нижний как попали?

— У меня брат тут жил. Приехала брата искать.

— Нашли?

— Нашла. Он и сейчас здесь живет. Четверо детей у него.

— Катя общается с ними?

— Пока маленькая была — общалась.

— А потом?

Анна Ксенофоновна каким-то немислимым образом уходит от прямого вопроса, повторяемого мной четыре раза подряд.

Спокойно, все с той же улыбкой, она еще дважды повторила "Пока маленькая была — общалась", потом сказала, что дети брата теперь уже взрослые, потом просто смолчала, но никакой неловкой паузы не возникло.

Катя в это время стоит рядом с нами.

У нее чуть угловатые движения, она старается отвечать односложно, хотя порой будто забывается и произносит целую фразу или даже две — это очень много. Если рядом Анна Ксенофоновна, то Катя, прежде чем ответить, скосив глаза, смотрит на мать — совсем не напуганно, просто ждет ее помощи. Мать улыбается. Иногда Катя так и не отвечает ничего.

— Кать, ты, может быть, думала о Боге, когда находилась в доме все эти годы? Есть такие люди, которые осмысленно уходят куда-то в скиты и в пещеры от всего происходящего. У тебя не было таких мыслей? Ты все-таки уже взрослый человек.

— Нет,— повторяет она трижды. Не думала, не было таких мыслей, ни о чем подобном и речи не идет.

Говорят, что ее обижали соседи и одноклассники — унижали, обзывали, даже разбивали окна в квартире. Ну, быть может. Но вообще так или иначе тысячи подростков живут в такой или подобной атмосфере. Дети не так добры, как нам, взрослым, часто кажется. Дети могут быть беспощадными, злыми, мстительными. Такими же, как мы, в общем. А как вы хотели? Вчера нежный ребенок — а завтра вдруг зверствует в армии? С чего бы это? На призывном участке его что ли подменили? Мы ж все выросли из детей, со всей своей подлостью — нам никто ее на Новый год не дарил.

Думаю, что разгадка всей этой истории не столько в хамстве сверстников, сколько в другом.

Анна Ксенофоновна, как мы помним, детдомовская. Я рискую обидеть многих и многих, пришедших во взрослую жизнь из детдомов, но свои наблюдения все-таки изложу.

Помню, жил-поживал в одной казарме с детдомовским парнем. Довольствие было на вполне приемлемом уровне, но он все равно прятал тушенку и сгущенку. Целые склады у него были под матрацем. К тому же периодически, примерно два раза в день, он куда-то шхерился и ел один. Его за это презирали, а потом начали бить, но он, в остальном вполне нормальный, все равно не в силах был сдержаться.

Еще у меня есть знакомый художник, они с женой помимо своих трех усыновили еще четвертого ребенка — девочку 5 лет. Она уже больше года живет в семье, достаток там более чем приличный, холодильники всегда полны — а она при любой возможности прячет еду под своей кроватью. Ей говорят: "Ну, возьми в любое время — она же никогда не кончается, зачем же ты прячешь, доченька, еда же портится — вот творожок испортился, посмотри". Все равно прячет.

Еще у меня был детдомовский родственник когда-то — троюродный дядька. Нормальный мужик, жил в своей семье, с женой и сыном, правда, о зарплате докладывал всегда неохотно, делиться ею не очень желал, да и зарабатывал, по его словам, мало. Настолько мало, что в семью ничего не приносил месяцами — все уходило на проезд, обед в заводской столовой и сигареты. Но ничего, жили не тужили почти два десятилетия, порой едва не на хлебе и воде сидели. Пока однажды жена совершенно случайно не нашла в его куртке сберкнижку — на счету мужа лежало больше миллиона рублей. Скопил на всякий случай, а то мало ли что.

На свадьбу дочери, кстати, он ничего не дал и дальше копит. Так и живут вместе, а зачем расставаться, когда жизнь позади.

Я к тому, что Анна Ксенофоновна никогда ничего своего не имела — ни денег, ни имущества, ни родителей, ни мужа — только квартиру, выделенную еще советским государством, и вот дочь. И даже не помня о своих закоренелых, приобретенных сызмальства привычках, в какой-то момент, когда девочка вдруг начала превращаться в девушку, решила ее припрятать. И припрятала.

Журналисты уже написали где-то, что дворничиха таскала Кате мусор со всех помоек, а та целыми днями разбирала его. Катю якобы нашли коммунальщики, ремонтировавшие трубы в подвале и заглянувшие в странную, захламленную квартиру проверить водопровод. Там, за горами разнокалиберного сора, увидели напуганную девочку и сообщили об этом в полицию.

Полиция, впрочем, ничего предпринимать не стала, потому что где состав преступления? Девушка совершеннолетняя, хочется ей сидеть дома — вот и сидит. Никто ее не держит на цепи. А то, что она в школе не училась, так в России, по данным статистики, не учатся до полутора миллионов детей, и ничего. У нас же свободная страна, а не тоталитаризм какой-нибудь.

Не знаю к тому же, насколько это правда — про коммунальщиков.

Рядом с Катей все время находится вполне приличный парень — лет ему, кажется, около 30, хорошо одет, зовут Славой.

— Вы кто ей? — спрашиваю.

— Друг.

— А чем занимаетесь?

— Немного политикой, немного бизнесом. У меня есть свое предприятие. ЧП.

— И вы с Катей общаетесь?

— С недавнего времени я захожу к ней. Я ее сосед.

— И кто принял решение, что Кате пора выходить на свет — вы или она?

— Мы вместе приняли решение, что уже можно,— отвечает Слава, подумав.

Он, похоже, теперь выполняет при Кате функции пресс-секретаря и тоже доволен своей ролью. Ее зовут на телевидение, ее одолевают журналисты. Еще недели две это продлится, думаю. Потом найдут другого

Маугли. Что-то мне подсказывает, что в России их больше, чем в индийских джунглях.

Да и Маугли назвать Катю можно только с некоторой натяжкой. У нее дома был телевизор — маленький, экран с пепельницу, полторы программы, но телевизор. Еще радио и проигрыватель.

— Что ты слушала? — спросил я.

— Я очень люблю Cure,— отвечает Катя.— Однажды услышала по радио, очень понравилось. А потом мне принесли диск.

Честно говоря, я был немного озадачен. Ожидал услышать про какого-нибудь кудрявого и голосистого российского дурака или группу из девушек, не столь голосистых, зато в купальниках, а тут такое.

Cure — и моя любимая группа тоже. Роберт Смит, неизменный ее лидер, мрачный тип с шевелюрой разноцветных волос, он был для моего поколения тем же самым, чем был для старшего поколения Джим Моррисон. Та же потусторонность, тот же безбашенный мужской драйв и немыслимый эротизм, те же проблемы с наркотой и собственной психикой. Только Джим умер молодым, а Роберт все пережил и сочиняет теперь откровенную, никому не интересную муть. Имеет право, наверное, потому что долгое время он был гений.

Тут, наверное, можно было бы накрутить ненужных параллелей — между мизантропией Смита и тем, что случилось с Катей, но мы не станем. Ей просто понравились его песни, вот и все. Потому что песни хорошие.

Еще мне говорили, что она много прочла и узнала в своем заточении.

— Правда, что ты выучила английский и немецкий языки, пока сидела дома? — спрашиваю я.

— Нет. Я просто читала английский словарь.

— Еще мне рассказывали, что ты интересовалась философией?

— Философией и психологией,— подсказывает Слава, он стоит у Кати за плечом.

— Ну и что, Катя? — бережно спрашиваю я.

— Интересовалась. Я читала Гегеля,— отвечает Катя и косится при этом на маму-дворничиху.

— А с психологией что?

— Я читала книгу о лжи.

— Кто автор?

— Не знаю. Книга о лжи,— теперь уже Катя смотрит на Славу. Слава тоже не помнит автора.

Я закрываю эту, всем трудную тему. Гегеля так Гегеля.

— А ты знаешь, что в России случились самые разные события за эти 10 лет? Что была война в Чечне, например?

— Знаю. Еще в Абхазии.

— То, что у нас был президент Путин, сейчас Медведев, а скоро опять, говорят, будет Путин?

— Знаю.

— Что у нас есть правящая партия...

— Да, "Единая Россия".

— И не все этим довольны.

— Да, знаю.

— А как мама относится к современной власти?

— Плохо. Она считает, что они все плохие.

— А вы голосуете на выборах?

— Да, к нам приходят с избирательных участков.

— И за кого голосуете?

— За "Единую Россию".

А вы говорите, коммунальщики заметили девушку в мусоре! А тут, оказывается, периодически приходят ходоки, чтобы честно собрать электоральные голоса за "Единую Россию". И ни в какую полицию после этого не звонят. А чего звонить, когда все в порядке? — люди голосуют сердцем, выбирают стабильность.

— А вот Никита Михалков на фотографии, видишь? Знаешь, кто это такой? — спрашиваю я.

— Знаю. Но фильмов не смотрела. Просто о нем много говорят.

Удивительно, в России есть люди, которые не видели фильмов Михалкова. И с каждым годом их становится все больше. Куда катимся...

С недавнего времени у Кати есть мобильный телефон.

— А друзья у тебя какие-то есть, хотя бы по переписке?

Молчит.

— Она писала недавно эсэмэски,— говорит Слава.— Говори, кому писала!

Молчит, смотрит в пол.

— Говори, чего молчишь! — настаивает Слава.

Молчит.

Кому же она писала эсэмэски? Михалкову? Роберту Смиту? Гегелю?

Ходит она не очень уверенно, смотрит исподлобья, если обнаруживает в пределах видимости маму — стремится к ней подойти, но в принципе ощущения, что перед тобой асоциальный и одичавший человек, нет. Знаете, и среди социализированных встречаются такие, что не приведи Господь. А тут есть ощущение, что еще минута, еще полчаса — и она вдруг разговорится и скажет что-то очень важное.

Но, наверное, ложное ощущение.

Она хочет покурить. Идем покурить.

С какого-то времени Катя, оказывается, курила. Кто-то, но не мама поставлял ей сигареты. Слава, наверное.

— Ты теперь выходишь на улицу? — спрашиваю я Катю.

Она кивает.

— Ходит в магазин,— отвечает за нее Слава.— Мама очень волнуется, когда она идет за продуктами.

— А какие планы? Учиться будешь? — спрашиваю Катю.

— Да,— отвечает.

— На кого?

— Я еще не решила.

— И школу ведь надо закончить?

— Да.

Почему-то я не верю, что Катя пойдет учиться.

Но на прощание говорю, что ничего страшного с ней не произошло — она взрослая девушка и со всем справится. Говорю, что своих детей тоже на год забрал из школы и садика — увез в деревню, пусть поживут на свободе. У нас, говорю, в деревне нет ни мобильной связи, ни интернета, ни телевидения. И людей почти нет. И ничего, нам даже нравится. Я всем бы рекомендовал иногда выключать из розетки сумбур и хаос мира.

Никто, кстати, не выключает. Все, напротив, внимают. Боятся, видимо, что-то важное пропустить.

Во всей этой истории лично меня озадачило больше всего одно. Вот мать решила забрать свою дочку из интерната и заперла ее в доме на 10 лет.

А что интернат сказал? В районной поликлинике есть какой-то учет детей или нет? Социальные службы еще живы хоть какие-то? А если бы девушка вообще бы никогда не вернулась — ее что, никто и не хватился бы? На самом деле теперь становится понятно, отчего РФ является мировым лидером поставок детей на органы. Ответственные лица заявили не так давно, что 15 тысяч детей и подростков ежегодно исчезают. Ну, 15 или 17, или 27 — кто ж их считал.

А соседи Кати и Анны Ксенофоновны, наконец,— они-то что? Хорошо вот Слава появился, а 10 лет до этого никто ничего не замечал?

Жила-была девочка, играла во дворе, ходила в интернат, бегала в магазин за молоком, потом вдруг пропала, как и не было, хотя мама регулярно подметает соседний двор. Где девочка-то?

Окна в квартире забиты, свет оттуда еле пробивается — у нас ведь очень любопытные люди, ужасно любят смотреть телепрограммы о том кто, как и с кем живет, им что, не интересен быт соседей?

Помню, когда я был маленький, мне ужасно не хотелось делать прививки. Но местная поликлиника не отставала от меня, моих родителей и моих учителей в школе, пока не прививала мне в микроскопической дозе очередную заразу.

А мой папа работал преподавателем в интернате.

Вечерами, после работы, он зачем-то брал меня с собой на обход тех семей, дети из которых давно не посещают занятия.

Иногда там сидели одинокие и неизъяснимо печальные матери. Иногда пьяные и одинокие отцы. Иногда наличествовал полуглухой дед. Иногда суетливая и напуганная бабушка. Но они все с непререкаемым почтением относились к отцу, я это запомнил точно. Они говорили: "Да, да, обязательно скоро пойдет учиться. Просто он болел. Просто у нас тут была беда. Просто не было сил. Просто все мы болели. Но скоро он пойдет обязательно".

Родители так говорили с отцом вовсе не потому, что он был огромный, двухметроворостый, очень спокойный и очень сильный человек. А потому что за ним стояло государство — скучная, чуть поржавевшая, но вообще отлаженная машина, направлявшая то отца, то местного участкового, то кого-нибудь еще решать определенные проблемы.

Теперь государство самоустранилось. У нас тут не проклятый советский строй, все свободны, каждый существует как ему хочется. Не учите нас жить, мы не в тюрьме.

Есть только частные проблемы — и не надо их валить на власть, не правда ли? Кто-то в частном порядке не хочет работать и учиться, кто-то в частном порядке хочет колотиться и бухать, кто-то в частном порядке болеет всеми несусветными заразами и не лечится, кто-то держит дочь взаперти, кто-то перекладывает ребенка из детской кроватки в мусорный контейнер, кто-то сидит в джакузи, кто-то в тюрьме. Красота!

Кажется, такое положение вещей не очень беспокоит большинство населения, а уж элиты — что властные, что, с позволения сказать, культурные — все это устраивает наверняка. Государство питается нашими налогами, а потом, с нашего позволения, игнорирует нас. Мы, судя по всему, нисколько не против.

Я тоже живу в этом государстве. У меня нет никаких претензий к Анне Ксенофоновне. Я ненавижу это государство всем своим существом.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Захар
Прилепин, Нижний
Новгород.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)